

ФУНДАМЕНТ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Дуглас С. Норт

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г.

Повышение экономической эффективности

Сегодня я хотел бы предложить вам интересную тему для исследования: как повысить экономическую эффективность, в частности, в странах Латинской Америки. Начну с краткого обзора того, что мы понимаем под институтами, зачем нужна теория институционального анализа, и почему современные теории, унаследованные нами из традиционных социальных наук, не могут вразумительно объяснить, как же повысить эту самую эффективность. Об эффективности экономики нам известно очень много. У нас имеются экономические данные по самым разным странам. У нас есть надежные статистические данные о валовом национальном продукте, доходах на душу населения, а также о том, что они означают и чего не означают, поскольку эти показатели представляют собой весьма несовершенные инструменты оценки эффективности.

Что нам известно об экономической эффективности

Нам также известно, что нужно для развития экономики. Это очень просто. Экономическое развитие — это функция производительности народного хозяйства, не больше — и не меньше. Если народное хозяйство продуктивно, страна будет богатой. Если народное хозяйство непродуктивно, страна будет бедной. Поэтому наша задача — понять, как заставить страну быть продуктивной, и дать ей возможность в полной мере использовать тот потенциал, который заключает в себе мир вокруг.

Кроме того, нам известно не только то, что нужно для роста экономики — продуктивность — но также, какие институты способствуют продуктивности. А именно, четко определенные права собственности, которые стимулируют рост продуктивности.

Институты необходимые для повышения эффективности и экономического роста

Далее, нужна политическая система, которая обеспечит правовую базу и судебную систему, способную достаточно экономично контролировать выполнение договоров и соглашений между хозяйствующими субъектами. Нужна не только продуктивность, но и структуры, которые могут ее использовать. А для этого

потребуется «третьи лица», осуществляющие надзор за выполнением договоров и соглашений, и хозяйственная деятельность, которая открыта для всех на равных для всех условиях без каких-либо привилегий для избранных. Надеюсь, вы уже задали себе вопрос: если мы такие умные, почему мы не такие богатые? Вопрос хороший. Ответ: потому что одно дело знать, в чем источник экономического роста, и совсем другое — какие институты необходимы для того, чтобы в полной мере воспользоваться экономическим ростом. К тому же, есть третье дело — это знать, как построить нужные институты.

Зачем нужна теория институционального анализа

Зачем нужна такая теория? Ответ прост. Существующая на сегодня экономическая теория изначально не предназначена для использования в качестве методики достижения экономического роста. То, что мы называем неоклассической экономической теорией была разработана для понимания того, как работают развитые рынки и как повысить эффективность развитых рынков. Но наша проблема гораздо глубже.

Нам нужно знать, как создать эффективные рынки — не только экономические, но и политические. Потому что именно политические рынки диктуют основные правила развития экономики и методы их контроля. Если в стране отсутствует политика, способствующая развитию прав собственности и судебная система, которая их охраняет, то никакой эффективной экономики не получится.

Недостатки неоклассической теории

В современной экономической теории есть три существенных недостатка. Во-первых, это ее идеалистичность. Теория предполагает, что рынки будут прекрасно работать сами по себе без каких-либо институтов, содействующих работе рынка, как будто не нужны ни государство, никакие иные структуры.

Во-вторых, это ее статичность. Унаследованная нами теория описывает эффективность экономики в определенный момент времени. С точки зрения этой теории политические последствия — это изменения, которые делаются раз и навсегда и которые приносят с собой такие же вечные и желаемые нами результаты. Но мы живем в динамичном мире, в котором изменения происходят постоянно, в котором нужно понимать, что собой представляет время, как происходит процесс познания, что такое история. Именно наше историческое прошлое ограничивает наше настоящее и будущее.

Неэргодический характер экономики

В-третьих, экономическая теория предполагает, что наш мир эргодичен. Подождите, не лезьте за словарем, я сэкономлю вам немного времени. Эргодичный мир — это мир, в основе которого лежит некая неизменная структура, в данном случае, экономика. В эргодичном мире всё, что нужно, — это понять, что за структура лежит в его основе, и тогда можно решить любую проблему. Возможно, это так и есть в естественных науках, откуда экономика позаимствовала эту концепцию. В химии, физике, генетике можно обратиться к истокам, найти тот изначальный «кирпичик», будь то химический элемент, протон или ген. Отталкиваясь от него, можно идти вперед, пока не столкнешься лицом к лицу с решаемой задачей.

Экономика не эргодична

В общественных науках ничего подобного не существует. Хуже того, все «элементы» — вот здесь, у нас в головах. В бесконечно изменчивом мире нас должна интересовать динамика. Мы создаем новые, неизведанные миры, которые не существовали прежде. Предположение, что экономика эргодична попросту ошибочно.

Я — историк. Я — летописец 10 тысяч лет экономической истории. Проблемы, стоящие перед человеком в период неолита за 8 тысяч лет д.н.э. совсем не похожи на проблемы, которые человечество заполучило впоследствии. А к тому времени, когда мы достигаем наших с вами времен, это совершенно иной мир, и его необходимо переосмыслить заново.

Как преодолеть ограниченность неоклассической теории

Всё сказанное совсем не означает, что разработанная человечеством экономическая теория, в частности, теория ценообразования, ни на что не годна. Но это означает, что нам придется постоянно обновлять нашу теорию и наше понимание окружающего нас мира. Многие проблемы, вставшие перед нами, никогда не существовали ранее, и оценить их с точки зрения исторической перспективы невозможно.

Как преодолеть эту ограниченность? Идеализм преодолевается институционализмом. Статичность — учетом фактора времени и особенностей процесса познания. Эргодичность — пониманием того, что самые основы могут меняться с течением времени.

Опасность зависимости от теории эволюции в экономике

Существует еще один, очень важный, элемент, который мы упустили. Когда мы, экономисты, пытались найти теорию, применимую к современным экономическим проблемам, мы, естественным образом, обратились к теории эволюции. Она ближе всего отвечала требованиям динамичной теории, с помощью которой мы могли бы ответить на возникающие у нас вопросы об окружающем мире. В настоящее время теория эволюции с полным правом становится полезной методикой, помогающей лучше понять, как с течением времени меняется тот или иной социум. Но и у нее есть два фундаментальных недостатка. Во-первых, эта теория предполагает, что мутации возникают в социуме точно так же, как и в биологической среде.

Преднамеренность и институциональные изменения

Согласно теории эволюции, мутации возникают в результате взаимодействия полов и проявляются, соответственно, в потомстве. Ничего подобного ни в экономике, ни в общественных науках не существует. Однако гораздо более серьезным недостатком этой теории является то, что изменения в эволюции слепы. Они не преднамеренны, они отданы на произвол случайности. Произошла мутация, а затем те, чьи характеристики наиболее способствуют выживанию в данной среде, продолжают существовать, в то время как другие исчезают. Среди людей это не работает.

Самое важное, что всем нам предстоит усвоить, если мы хотим улучшить эффективность нашего социума, — это людская преднамеренность. Мы приступаем к деятельности, надеясь, что когда-нибудь она принесет плоды, которые пойдут на благо людям, которые осуществляли эту деятельность.

Что представляют собой институты

Институты — это система стимулов. Это всё. Важно понять, что будучи системой стимулов институты одновременно дают нам понимание природы человеческого поведения. Они наказывают и поощряют те или иные поступки. Если наши институты поощряют продуктивность и творческую деятельность и наказывают непродуктивность и нетворческую деятельность, то это те институты, которые нам нужны. Здесь появляются сложности. Институты — это набор строгих правил (конституций, законов, правил и предписаний, которые вводятся государством), неофициальных норм (общепринятых правил поведения, обычаев, этики, которые так же важны, как и официальные правила, но гораздо хуже поддаются моделированию и анализу) и, наконец, методов контроля за их выполнением (т.е. методов, с помощью которых можно заставить общество подчиняться как официальным, так и неофициальным правилам поведения).

Аналогия с футболом

Поясню сказанное, а именно, попробую применить все те концепции, которые я вам только что изложил, к решению совершенно иного рода проблем. Итак, поговорим о футболе.

В футболе существуют официальные правила, которые определяют, что могут и не могут делать игроки, т.е., нормы поведения. Например, игрок не может умышленно наносить повреждения игрокам команды противника. Также существуют механизмы контроля за выполнением этих правил — арбитры и судьи, которые наблюдают за тем, чтобы официальные и неофициальные правила соблюдались. А теперь, открою вам секрет: не сомневаюсь, что все вы, конечно, лучше нас, американцев, но в профессиональном футболе в США, те, кто ведет «грязную игру» преуспевают гораздо больше, чем те кто играет по правилам — естественно, пока их не поймают.

Правила игры

Это означает, что правила, по которым ведется игра, очень отличаются от той официальной структуры, которая призвана определять рамки игры. Если вы сможете «ускользнуть от правосудия», нанеся травму ведущим игрокам команды противника, ваши шансы выиграть сильно повысятся. Более того, контролировать такое поведение очень трудно: рефери не могут уследить за всеми. К тому же, они бывают просто по-человечески необъективны, а то и подкуплены. Правила поведения, возможно, недостаточно укоренились в сознании, и люди отказываются жить согласно нормам чистоты и честности.

Всё это указывает на дилемму, о которой нам придется помнить, прибегая к институциональному анализу: институты — лучшее, что есть у нас на сегодня, но и они очень несовершенны в качестве инструментов достижения нужных нам результатов.

Необходимость эмпирического анализа экономики

Таким образом, нам нужно понять, как официальные правила, неофициальные нормы и методы их контроля проявляют себя на конкретных рынках: что заставляет их проявляться так, а не иначе, и что — отклоняться от назначенного им пути. Это — первый шаг к пониманию происходящего. Мне бы очень хотелось, чтобы вы провели исследование, которое бы заключалось в эмпирическом анализе функционирования институтов на конкретных рынках, а также анализа причин, по которым они — институты — «ведут» себя именно таким образом.

Институциональная реформа: преодолеть статичность

Как говорилось ранее, статичность означает, что мы учитываем фактор времени. Это понимание того, что ограничения, с которыми приходится иметь дело сегодня, те ограничения, которые мешают нам поменять игру как нам хочется, унаследованы нами вместе с законами, правилами, нормами и воззрениями. Поскольку мы их унаследовали, они заранее содержат в себе представления игроков, многие из которых верят в то, что чтобы выжить, старые правила нужно во что бы ни стало сохранить. Таким образом, зависимость от прошлых правил — это то «культурное наследие», которое мы получили в приданное. Это функция мировоззрения и институтов, унаследованных из прошлого. Как правило, они очень консервативны и направлены на защиту существующей структуры. Если нам необходимо повысить институциональную эффективность в какой-либо стране, нам придется понять ее культуру, историю, традиции и институты. Зная их, уже можно пытаться определить их границы и области, где можно реально повысить их эффективность.

Институциональная реформа: учитывать целенаправленность людской деятельности

Чтобы изменить игру, необходимо знать историю, знать, откуда мы идем — чтобы понимать, куда мы придем. В центре этого понимания лежит необходимость знаний. Иными словами, мы пытаемся достаточно много узнать о том, как работает интересующая нас система, чтобы понять ее и, соответственно, изменить согласно нашим желаниям.

Целенаправленность, характерная для людских поступков, означает, что нам придется спросить себя: как мы, люди, получаем знания об окружающем нас мире. Экономика — это теория выбора. Поэтому нам следует понять, как люди делают выбор. В чем проблема общей экономической теории? В том, что она предполагает: люди знают всё, они прекрасно информированы, им известны все альтернативы, и они действуют только на основе холодного логического расчета. На деле же, для нас гораздо важнее мировоззрение, которое и определяет нашу структуру стимулов. Каков бы не был их источник, мы обязаны понять их.

Личное взаимодействие — наследие Латинской Америки

В Латинской Америке существует древняя культура, берущая истоки в институциональных структурах Португалии и Испании. Эти структуры продолжают играть значительную роль. Культура Латинской Америки основана на личном взаимодействии. Почему именно на личном? Институт взаимодействия насчитывает тысячелетия. Доисторические охотники и собиратели постепенно выработали генетическую предрасположенность к взаимодействию внутри семьи,

клана, небольшой группы, в которую входил тот или иной человек. С другой стороны, у них выработалось очень осторожное, очень недоверчивое отношение к общению с незнакомыми людьми. В мире охотников и собирателей эта характеристика помогала выжить. Однако расцветать экономике заставляет то, о чем говорил Адам Смит: специализация, разделение труда и объем рынка — ключ к «богатству наций».

Аналогия с теорией игр

Увеличение объема рынка требует, чтобы мы перешли от личного взаимодействия к взаимодействию безличному. Нам понадобится разработать структуру взаимодействия, которая бы позволила нам осуществлять обмен с незнакомыми людьми, которых мы в жизни встретим, возможно, лишь однажды.

Для тех, кто знаком с теорией игр, можно провести простую аналогию. Согласно этой теории, если в игре небольшое число игроков и вы с ними хорошо знакомы, и если с одним из них приходится постоянно «иметь дело», то шансы выиграть повышаются, если вы установите с этим человеком отношения доверительного сотрудничества. Одновременно, теория игр предсказывает, что от подобного сотрудничества можно безбоязненно отказаться, если ваши «дела» с этим человеком прекращаются или если у вас было только одно «дело», при условии, что игроков много и вы с ними незнакомы.

Мир безличного взаимодействия

Переход от личного к безличному взаимодействию — одна из фундаментальных проблем, существующих в международной экономике. У Запада ушло пять или шесть веков, чтобы постепенно развить институты, давшие основу для безличного взаимодействия. Что имеется в виду? Ну, например, рынки капитала и торговля за пределами своего района, международная торговля и валютный обмен, необходимость иметь дело с людьми, которых вы встретили один раз и никогда больше не увидите, — всё это требует соответствующих институтов. Личное взаимодействие естественно, потому что оно обусловлено генетически и успешно использовалось на протяжении последних трех или четырех миллионов лет. Безличное взаимодействие требует коренного изменения правил игры, иначе мы никогда не сможем вступить в отношения сотрудничества с людьми, которых не знаем. Оно также требует политической системы, которая установит необходимые правила и обеспечит механизмы (судебный и юридический), позволяющие контролировать договора и соглашения на большом расстоянии и в течение достаточно долгого промежутка времени).

Почему «вашингтонский консенсус» не привел к образованию продуктивных рынков

В Латинской Америке пока не получается создать продуктивный рынок (как политический, так и экономический) на основе безличного взаимодействия. Как так случилось, что в течение 30-40 лет т.н. «вашингтонский консенсус» не привел к их образованию? Очень просто: теория, которая легла в его основу, ошибочна. Теория, на которой базировались рекомендации МВФ и Всемирного банка разным странам, исходила из неоклассической модели мира, согласно которой у нас есть вся необходимая информация и все необходимые институты построены. Осталось лишь постепенно менять ситуацию с «крайними проявлениями», и всё получится. Отсюда любимая поговорка: «Главное — правильные цены. Отпустите цены, отпустите валютный контроль и ограничение на ренту — и всё получится». Нет, не получится.

Преимущество теории институционального анализа

Нужна теория, которая бы успешно решила эти проблемы. Такой теорией является теория институционального анализа. В центре ее стоит вопрос — какие институты, какие системы взглядов нам нужно понять, прежде чем рассчитывать на успех? Во-первых, нужно понять, как работает данная экономика. Для этого нужно понять и измерить «стоимость» людских связей и взаимодействия в данной системе. Это часть обычной «стоимости договора»: стоимость контроля за его соблюдением, идет ли речь о рынках капитала, товарных рынках или политических системах. В этом — начало мудрости, потому что пока мы их не измерим, мы не поймем, какие институциональные проблемы стоят у нас на пути к приемлемой (с точки зрения стоимости) хозяйственной деятельности.

Пример Венесуэлы

Правильно оценив стоимость взаимодействия, мы начнем по-настоящему понимать, что является причиной несовершенства, несоответствия и неэффективности институтов. Измерив стоимость взаимодействия, мы поймем, как работает экономика в данной стране. Покажу это на примере моей работы в одной из стран Латинской Америки. Президент Калдера пригласил меня посетить Венесуэлу в начале 90-х. Он сказал: «Профессор Норт, мы разорены. Но у Венесуэлы есть ценнейшие активы в сталелитейной, в алюминиевой промышленности. Мы бы хотели их продать, чтобы получить хоть какой-то капитал.» Но покупатель не находился. Поэтому он позвонил мне. С самого начала он заявил мне прямо, что не любит экономистов. «Несмотря на то, что вы экономист, — сказал он, — возможно, вы сможете подсказать мне, почему у меня никто ничего не покупает?»

Юридические сложности снижают стоимость активов

Разгадка же была проста: ресурсы эти почти ничего не стоили, потому что вместе с ними покупатель получал массу проблем. Покупая сталелитейный или алюминиевый завод или электростанцию, он не только надолго лишался вложенных в актив средств, но и приобретал при этом целый рой проблем, связанных с возможностью использовать этот актив. Например, в то время в Венесуэле существовала система социального страхования, согласно которой, если не ошибаюсь, за каждые два дня, отработанных на фабрике, уволившийся рабочий получал один оплачиваемый день в виде выходного пособия. Таким образом, если рабочие работали на фабрике от 10 до 15 лет и их либо увольняли, либо они уходили по собственному желанию, владелец фабрики был обязан выплатить им выходное пособие в размере четырех- или пятилетней заработной платы. Я попытался убедить президента Калдера в том, что в стоимость актива входит не только сумма, которую покупатель выплачивает непосредственно за актив, но и, в гораздо более значительной мере, вся та «нагрузка», которую покупатель получает вместе с ним.

Как провести институциональную реформу

Таким образом, достигнуть успеха в деле увеличения производительности можно лишь понимая существующие на пути успеха препятствия. В первую очередь, культурные традиции — и я хочу подчеркнуть это особо. Понять экономику, глядя на нее со стороны, невозможно. Если меня пригласят дать рекомендации относительно экономики какой-либо страны, я проведу как минимум 6 месяцев, изучая историю страны, принятую в ней систему взглядов, традиции, т.е. ее институты. И только тогда я смогу приступить к изменениям, зная что, где и в какой мере можно изменить. Ведь нельзя сразу приступить к большим изменениям. Слишком много людей, которым выгодно существование старых институтов. Но если мы хорошо понимаем страну, мы знаем, на каких периферийных участках можно провести изменения, чтобы вся система несколько улучшилась.

Институциональная реформа как последовательность периферийных изменений

Итак, сначала необходимо разобраться в существующей структуре экономики и стоимости взаимодействия («делок»). Затем нужно понять традиции, историю, специфические условия. Знать, что повышает производительность в данной экономике. И только тогда решать, на каком периферийном участке можно менять правила игры, чтобы вся игра была слаженной. Хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Накопив большой опыт и совершив немало ошибок, мы в какой-то момент начинаем понимать, что можно будет сделать и чего нельзя. Таким образом, необходимо не только понимать механизм работы экономики в данной

стране, но также ее историю и традиции, чтобы знать, какие исторически-обусловленные сложности будут стоять на пути реформы институтов. И вот тогда мы готовы приступить к улучшению институтов и повышению производительности.

Как повысить производительность в развивающихся странах

Итак, в обществе совсем не все равны. Возьмем, к примеру, Бразилию. Здесь огромные проблемы с распределением богатства и с неравенством; существуют группы, лишенные каких-либо реальных возможностей. Нам хотелось бы изменить структуру рынка в попытке улучшить долю тех, чьи возможности неравны. К сожалению, я недостаточно знаком с Бразилией, чтобы дать вам конкретный совет, но в любом случае, необходимым условием является поднять уровень знаний и профессиональных навыков беднейшего населения. Страны, успешно преодолевшие пропасть между отсталостью и экономическим ростом, все повысили продуктивность. Южная Корея и Тайвань, например, достигли этого, благодаря огромным капиталовложениям в образование и развитие людских ресурсов, так что по мере роста производительности, её плодами могли пользоваться все без исключения члены общества.

Как бороться с силами, которые противостоят реформам

Что делать с силами, заинтересованными в том, чтобы реформы не состоялись? Естественно, это центральный вопрос. Единственный путь бороться с такими силами — это достаточно много знать о существующих на сегодняшний день институтах, а также об организациях, которые их поддерживают и которые им противостоят. Тогда будет понятно насколько мы сможем изменить правила, по которым ведется игра. Но всё это требует не только доскональных знаний о действующих в стране институтах, но и знаний о действующих организациях, их целях и о том, как действует в стране политическая система. В Латинской Америке (и во всех других странах мира) нам придется многое узнать о действующей структуре экономики и о том, как функционируют местные институты, чтобы мы могли изменить официальные правила, неофициальные нормы поведения и механизмы контроля, заставляющие их работать более эффективно. Удачи на этом пути я вам и пожелаю.

Мнения, изложенные здесь, являются личной точкой зрения автора и могут не совпадать с официальной позицией Центра международного частного предпринимательства (CIPE). Центр международного частного предпринимательства дает разрешение на перепечатку, перевод и публикацию авторских работ и других материалов из коллекции Института Развития CIPE при условии (1) обязательной ссылки на автора статьи и CIPE и (2) уведомления CIPE о том, где и как используются эти материалы.

*Center for International Private Enterprise (CIPE)
1211 Connecticut Ave NW • Suite 700 • Washington, DC 20036 • USA
ph: (202) 721-9200 • www.cipe.org • e-mail: education@cipe.org*